

ОБРАЗЫ СРАВНЕНИЯ В ЗАГОВОРАХ ОТ ПЬЯНСТВА И НАРКОМАНИИ

И.М.Ковальчук

(аспирант, Институт иностранной филологии НПУ имени М.П.Драгоманова)

У статті розглянуто компаративні конструкції, які використовуються в російських заговорах від п'янства і наркоманії, з урахуванням специфіки образів порівняння. Визначено, чим вони відрізняються від стійких порівнянь і що мають з ними спільного.

Comparative constructions used in Russian spells from drunkenness and drug-addiction are investigated in this paper with the focus on the image description. The author points out common and divergent features of the constructions under study with respect to stable comparative constructions.

Сравнения, являясь признанным средством синтаксической изобразительности, давно привлекают внимание языковедов, что нашло отражение в работах Э.С.Войнова, Н.И.Копылова, И.К.Кучеренко, А.Г.Назарян, В.М.Огольцева, Т.А.Тулиной, М.И.Черемисиной и др.

Заговоры как фольклорный жанр также неоднократно становились объектом исследования (А.Н.Афанасьев, Ф.И.Буслаев, А.Н.Веселовский, Ю.М.Киселева, В.Н.Мансикка, С.Ю.Неклюдов, В.Н.Топоров, А.А.Потебня, Л.В.Фадеева и др.). Изучались «магическая сила слова (языка) и магия имени, соотношение обряда и словесного текста, автохтонной и книжно-христианской традиции» (1, 305).

Цель нашего исследования – выявить особенности образов сравнения в заговорах, поскольку еще А.А.Потебня, определяя «основную формулу заговора», отмечал, что «это словесное изображение сравнения (выделено нами – И. К.) данного или нарочно произведенного явления с желанным, имеющим целью произвести это последнее» (2, 21), и в таком аспекте заговорные тексты до сих пор не анализировались.

Классифицируя заговоры, Е.Н.Елеонская рассматривает три тематические группы: 1) заговоры от болезни и болезненного состояния, 2) заговоры, имеющие отношение к хозяйству, 3) заговоры, имеющие целью регулировать отношения между людьми (3, 120). В пределах первой группы выделяется подгруппа заговорных текстов от п'янства и наркоманії. Именно они являются предметом нашего исследования.

Максимально частотным образом сравнения в компаративных конструкциях заговоров данной подгруппы является **образ покойника**. Для создания этого образа характерно использование нескольких слов с синонимичным значением (*покойник, отпетый, погребенный и мертвец*).

Сравнения заговоров отражают основные проблемы, связанные с п'янством и наркоманією: 1) **употребление** спиртных / наркотических средств; 2) **«тяга», привязанность** к данным средствам, зависимость. То есть данная группа сравнений отражает и внешние, и внутренние признаки заболевания, учитывая психологическую сторону его проявления: *Как ты, мертвец, по дурманной не тоскуешь, не страдаешь, как ты, мертвец, о дурманной не гадаешь, не мечтаешь, так бы и я по ней не горевал, не страдал, о дурманной не задумывался и не мечтал* (4, 229); ... *будь душа его (наркомана) смирна и спокойна, без тяги и к дурманной равнодушна, как спокоен, смирен и равнодушен этот мертвец* (4, 229); совмещение двух характеристик болезни: *Ой вы покойники, ой вы покойницы, не плачете вы, не страдаете, не едите, не выпиваете, вина в бокал не наливаете. Так бы и раба Божия (имя) хмельного не покупала, вина в бокал не наливала* (4, 212).

Основанием сравнения при использовании образа мертвого человека часто являются его физиологические особенности, которые воспринимаются, в частности, органами обоняния, а именно запах, например: *Пахло бы ему вино покойником ...*(4, 225) (= *пахло бы, как покойник*). Запах алкоголя сравнивается не только с мертвым человеком, но и с мертвым животным: *Пахло бы ему вино покойником, дохлой собакой* (4, 225). При этом предметом сравнения становится причина заболевания, в приведенном примере – вино. В компаративной конструкции создается отталкивающий образ алкогольного напитка путем актуализации его отрицательных свойств.

Однако главным основанием сравнения в таких конструкциях становится неспособность мертвеца проявлять функции живого человека, а именно:

1) принимать пищу и питьё, например: *Ты, покойник, не встаешь, вина не пьешь. Так и по веку не вставай, вина не пей и рабу Божию (имя) пить не давай* (4, 207); *Как ты, отпетый и погребенный, вина, хмеля не пьешь, так и ты, раб Божий (имя), вино в рот не возьмешь* (4, 207);

2) проявлять чувства, например, скорбеть, страдать: *Как мертвецы спокойно лежат и спят, по вину зелену не скорбят, так бы чтоб (имя) по вину не скорбел, не тосковал, в чащу себе вина зелена не наливал* (4, 221), *Не страдает покойник ни по живому, ни по мертвому, так чтобы и раб Божий (имя) не*

страдал по наркотикам (4, 228), (заговор от пьянства) *Он (покойник) ничего не видит, ничего не слышит, ни о чем не плачет, ни о ком не страдает. Так бы и рабу Божию (имя) боли не слышат и не страдают* (4, 228).

В последнем примере основанием является отсутствие определенного ощущения, при этом используется глагол с негацией *не страдают*. В данной конструкции происходит актуализация двух семем глагола. В сочетании с образом (*покойник не страдает*) отражен лексико-семантический вариант «3. Разг. Томиться, тосковать» (5, 1276), а при описании предмета сравнения актуализируется значение слова «1. (от чего-л.) Испытывать сильную физическую или нравственную боль, страдание, мучиться» (5, 1276). В сравнении раскрыто и два значения многозначного глагола *слышать*. Относясь к слову-образу *покойник*, он означает «1. Различать, воспринимать слухом издаваемое кем-, чем-либо» (5, 1215), а при использовании этого глагола со словом-предметом сравнения раскрывается значение «4. разг. Распознавать путем ощущения, ощущать, чувствовать, замечать» (5, 1215).

В большинстве сравнений четко указывается, какое именно действие не совершается субъектом-образом, хотя встречаются и конструкции, в которых акцент делается на «отсутствии бытийности» мертвеца, например: *Как покойник среди нас не живет, так и раб Божий (имя) хмельного не пьет* (4, 217).

Как было отмечено, образ неживого существа создается не только названием мертвого человека, но и словом, называющим мертвого животного. При этом детерминантом выступает определение *мертвый*, т.е. «1. Такой, который умер, лишился жизни... 3. Безжизненный» (5, 535), а значит, неспособный проявлять функции живого: *как эта мертвая голова (голова мертвой курицы) вина не пьет, песни спяну не поет, так и раба Божия (имя) вино пить не будет...* (4, 211).

В исследуемой подгруппе заговоров широко используются образы живых животных, рыб, птиц. Высоким уровнем частотности характеризуются образы рыбы и свиньи.

Сравнительные конструкции с **образом рыбы** опираются на основной признак, который является ядерным в семантической структуре первого лексико-семантического варианта слова *рыба*: «1. Водное (выделено нами – И.К.) позвоночное животное с непостоянной температурой тела, дышащее жабрами и имеющее плавники» (5, 1135)» – неспособность, невозможность рыбы жить без воды: *Как эта рыба трепыхалась и от вина задыхалась, так чтобы и ты, раб Божий (имя), при виде вина задыхался ...* (4, 205). Основанием сравнения в данной конструкции является состояние, обозначенное глаголом *задыхаться*, – ощущение чувства стеснения «в дыхании от недостатка воздуха» и потеря возможности «свободно дышать» (5, 321). Словарная дефиниция дана с учетом того, что для человека естественной и необходимой является воздушная среда; для рыбы такая же естественная среда – вода (ср. «*Без воды рыба задыхается*» (5, 321)). Как для рыбы противоестественно находиться в вине (она от этого погибает), так и человек должен воспринимать вино как нечто противоестественное.

В данном случае слово *вино* может быть заменено эквонимом *водка*: *Как эта рыбина трепещется в водке, так бы дрожала душа у раба Божия (имя), когда увидит водку* (4, 219). Основание сравнения с рыбой выражает глагол *трепетать*, при этом происходит одновременная актуализация двух значений: первое – «дрожать, содрогаться» (5, 1342), т.е. совершать телом определенные движения; второе – «3. Испытывать страх, ужас перед кем-л.» (5, 225) (в нашем примере перед чем-либо). Второе значение является основным для данного сравнения, это подчеркивает использование синонимичного глагола *дрожать* («2. (перед кем-чем) Бояться кого-либо; трепетать»). На актуализацию именно этой семы в данном примере указывает и употребление при глаголе такого субъекта действия как *душа*, а значит, акцент делается на внутреннем состоянии человека, что вытекает из второй словарной дефиниции слова *душа* («Внутреннее состояние, моральная сила человека» (5, 290)).

Кроме отмеченных выше, используется и такое основание, как неспособность совершить какое-либо действие в силу его несвойственности, в частности, пить спиртное: *Рыба красна вина не пьет, и раб Божий (имя), вина не пей* (4, 223).

Особый интерес представляет **образ свиньи**, с которым в устойчивых сочетаниях сравнивается пьяный человек: *быть пьяным как свинья* – «пить (спиртное), напиваться чрезмерно» (6, 579). По наблюдениям В.Саркисовой, «зооним *свинья* используется в заговорах для снятия запойной порчи: на яблоки наговаривают и скармливают их свиньям со словами: *Свинья жрет, а водку не пьет. Так и раб (имя) водку не будет пить*». В «Словаре устойчивых сравнений русского языка» В.М.Огольцева приводится парадигма сравнительных конструкций с объектом сравнения *свинья*, а одним из оснований сравнения выступают слова *пьяный, пить* (спиртное), *напиваться* (чрезмерно) и другие глаголы, экспрессивно-синонимичные данному: *нализаться, как свинья; надраться, как свинья* и др. Слово *жрать*, согласно МАС, означает «Есть с жадностью (о животных)», а его дериват *нажратся* имеет два ЛСВ: «1. (разг.) Наестся (о животном). 2. (груб. прост.) Напиться пьяным». Следовательно, девербатив *нажратся* может быть включен в синонимический ряд оснований сравнения, что подтверждается

речевым употреблением: «*Нажрался, как свинья!*». Однако, как известно, свинья не пьет спиртного. Перенос значения произошел, видимо, следующим образом: свинья, *нажираясь* (в ЛСВ1), как правило, валится на бок и лежит, переваривая пищу; аналогичное положение часто занимает и пьяный человек. Словесная формула заговора построена на том, что разграничивается семантика глаголов *жрать* и *нажраться*» (7, 246-247).

Кроме того, в заговорах от пьянства свинья становится эталоном живого существа, которое ест и пьет все что угодно, но даже она не употребляет спиртные напитки: *Свинья и то водку не пьет, а помои жрет. Так и раб Божий* (имя), *водку не пей, через нее не болей* (4, 219), то есть общий смысл сравнения – «не будь хуже, глупей свиньи и тоже не пей водку». В результате основанием сравнения становится не общепринятое определение свиньи как животного, которое непривередливо в пище, а совершенно противоположное качество образа – разборчивость в питье. Следует отметить и тот факт, что сравнение четко отражает негативное отношение к образу свиньи: *Свинья и то водку не пьет ...* (4, 219).

Рассматриваемый образ используется также с таким основанием, как неспособность совершить какое-либо действие: *Как свинье море, океан не переплыть, так и рабу Божию* (имя) *хмельного вовеки не пить* (4, 219). Можно предположить, что свинья не умеет плавать и поэтому не сможет переплыть море. Однако свиньи характеризуются как животные, имеющие «слабое зрение, острый слух, тонкое обоняние, (и! – И.К.) способность хорошо плавать» (8, 81). Следовательно, общий смысл сравнения: свинья, хоть и умеет плавать, никогда не переплывет моря – человек, хоть и пьет различные напитки, хмельного пить не будет.

Среди образов животных в сравнениях заговоров представлен и **образ коровы**. Если в устойчивых сравнениях в образе коровы актуализируются только внешние характеристики (неуклюжесть, грузность, неповоротливость (6, 275)), то в конструкциях заговоров акцент делается на основной функциональной нагрузке образа – способности давать молоко, что зафиксировано в дефиниции толкового словаря («домашнее молочное животное» (5, 36): *Как тебе* (корова) *вино в вымени не давать, так и рабу Божию* (имя) *с этого часа вина не попивать* (4, 209). Основанием сравнения и в данной конструкции становится неспособность совершить определенное действие в силу его несвойственности.

Менее частотны в исследуемых заговорах сравнения с **библейскими персонажами**. Среди образов, которые встречаются в рассматриваемой подгруппе заговоров, следует отметить образы Господа, ангелов, Христа и Матери Божьей.

В образе **ангелов** в устойчивых сравнениях актуализируется главное книжное значение слова *ангел* – «идеал ..., олицетворение положительного» (5, 39), а в заговорах появляется и новое основание для сравнения – способность обходиться без пищи, питья. При этом происходит соединение религиозной и бытовой характеристики образа: *Ангелы, не мучает вас голод, не томит вас жажда ... нет в вашем царстве пороков и страстей ... Так бы и у рабы Божьей* (имя) *не было пороков тоже* (4, 222). Следует отметить, что осуществляется сравнение не только непосредственно с ангелами, но и с местом их обитания (*нет в вашем царстве пороков и страстей*).

Образ **Матери Божьей** в компаративных конструкциях данной подгруппы заговоров употребляется как образ заботливой матери, действия которой направлены на то, чтобы сделать сына чище: *Господи, как Тебя Матушка в детстве мыла и отмывала, в чистые одежды одевала, так и Ты, Милостивый Господь, укрепи чистое сознание раба Божия* (имя) (4, 224). Глагол *очистить*, передающий общее значение слов *мыть*, *отмывать*, имеет несколько значений, из которых в данном случае соотносятся два: «1. Удалить грязь или другое наслоение; сделать чистым» и «5. Сделать чистым в нравственном отношении» (5, 771), то есть происходит сравнение процессов внутреннего и внешнего очищения. Особенность этого примера в том, что в качестве предмета сравнения не используется ни больной, ни предмет, вызывающий болезнь, ни сама болезнь. Образ и предмет в данном сравнении – это Мать Божья и Господь, т.е. происходит сравнение двух библейских персонажей; основание сравнения – сходное действие.

Сравнение «*Как Христос на кресте скорбел, так и ты раб Божий* (имя) *терпел, крестился, от дурманной во веки веков отступился*» (4, 227) отражает одновременно душевные и физические муки больного, при этом в образе Христа в данной конструкции актуализируются такие его свойства, как мужественность, сила воли, выдержка, которые надо проявить и больному.

В качестве образа сравнения выступает и **человек** в различных его ипостасях: младенец, знахарь (образ выражен личным местоимением я), человек как таковой.

При сравнении с грудным ребенком используется такое же основание, как и при сравнении с младенцем в устойчивой компаративной конструкции («Спать – крепко, спокойно, беззаботно, безмятежно» (6, 360)): *Как дитя грудное снов не знает, так душа* (имя) *во сне не страдает о хмельном вине* (9, 134). Функциональной нагрузкой данного компаратива является влияние на подсознание заговариваемого (искоренение не только сознательных желаний, но и подсознательных мыслей о спиртном).

Образ знахаря создает в сравнении такое основание, как совершение определенного (регулярного) действия над чем-либо: *Как я резала, отрезала святую пасху, деля ее на 27 кусков, 27 могил, так я отрезаю и отсекаю именем Святой и Дивноживой Пасхи и Господа Иисуса Христа от Божия раба его болезнь* (4, 227). В этом примере сравниваются действия, которые выражены одним глаголом (но разными его формами *резать/отрезать*), но при этом раскрываются разные значения этого слова: «1. Разрезав, отделить часть от целого» и «3. Отделить, нарушить связь между кем-, чем-либо» (5, 759)). Особенностью этой компаративной конструкции является то, что образ и предмет выступают не сами по себе, а в качестве объектов, над которыми совершается действие. При этом субъект действия один и тот же, а объекты действия разные.

Основанием сравнения при использовании образа человека выступает желание жить /не умереть: *Не желает в могилу ложиться ни стар, ни юница, так и ты, раб Божий (имя), не хотел, не желал ни капкана, ни зелья, ни дурмана* (4, 226); *Как человек в ад идти не желает, так и раба Божия (имя) вина бы не желала* (4, 212). Подобные сравнения отражают возможные последствия наркомании и пьянства – смерть. Отсюда и возникает причинно-следственная связь – нежелание умереть приводит к нежеланию пить. Больше всего человек не хочет умереть – с такой же силой пусть не желает пить.

Смертность как свойство человека становится основанием при сравнении предмета, вызывающего заболевание (*дурман*), с человеком: *Пусть он сам спит по годам, умирает по часам, тает по минутам, как всяк здрав Божий раб* (4, 226).

Таким образом, главным основанием при сравнении с человеком становятся его свойства как биологического организма (смертность), волевые качества (желание/нежелание), различные регулярные действия.

В качестве образов сравнения в заговорах встречаются и вещества, такие как **соль, зола**.

В **образе соли** основанием выступает ее основное свойство – способность таять: *Как эта соль тает, так и желание твое пить тает* (4, 210). Сравнение процессов создается с помощью одного и того же глагола, но, как и в других примерах, при этом раскрываются разные значения слова. Прямое значение – «1. Превращаться в жидкое состояние под действием тепла, влаги» (5, 1308) – актуализируется, когда глагол семантически соотносится с образом. Обозначая действие предмета сравнения, этот же глагол употребляется в значении «исчезать» (5, 1308).

Образ золы связан с образом мертвых, что вытекает из определения («пепел, остаток по сожжению растений, чего-либо растительного, а иногда животного, веществ» (10, 359)). Однако основания сравнения с этим образом несколько иные, чем при употреблении образов мертвого человека и мертвых животных, например: *Как эта зола не опоросится, не оценился, так и раб Божий (имя) навсегда с вином простится* (4, 213). Основанием в этом сравнении выступает неспособность совершения действия, которое описывается, в силу его несвойственности: зола при любых условиях не сделает того, что указано, а пьяница при любых условиях не будет пить: *Как эта зола не даст ростки, а ростки лепестки, из лепестков плод, так раб Божий (имя) вина не возьмет в рот ...* (4, 213).

Явления и стихии природы в заговорах от пьянства и наркомании представлены только образами камня и воды.

Слово *камень*, которым обозначен **образ камня**, употребляется в одной из компаративных конструкций этой подгруппы заговоров с определением *донный*: «*Как донный камень воды не пьет, так и (имя) водки не запьет*» (4, 218), что актуализирует связь образа с водой (камень лежит на дне водоема, реки и т.п.). При этом основанием сравнения является неспособность совершить действие, связанное с употреблением жидкости, которая представлена в большом количестве.

Если говорить об обобщенном значении основания сравнения с **образом воды**, то это – неспособность совершить действие, свойственное предмету сравнения: *Как не горит в реке вода, так не болит душа у раба Божия (имя) по зеленому вину* (4, 218).

Итак, анализ сравнительных конструкций в заговорах от пьянства и наркомании (последних гораздо меньше) свидетельствует, что в них представлены следующие образы:

1) человек: 1) живой: *человек, люди, знахарь, вдова* и др. (основание сравнения – (не-)совершение определенного регулярного действия, отсутствие желания умирать, свойства человека (смертность)); 2) мертвый (основание сравнения – неспособность выполнять функции живого человека);

2) живые существа (кроме человека) и растения (основание сравнения – неупотребление спиртных, наркотических напитков, невозможность совершать определенные действия);

3) библейские персонажи (основание сравнения – совершение определенного действия, проявление определенного качества);

4) явления природы и стихии (основание сравнения – невыполнение действия самим предметом и над этим предметом);

5) вещества (основание сравнения – физические действия, влияющие на предмет).

Исходя из этого, можно сделать вывод, что преимущественным во всех сравнительных конструкциях основанием сравнения является невозможность совершать четко обозначенное действие, а основным образом выступает образ мертвого – человека, животного или растения. При этом если в качестве предмета сравнения используется настоящий или потенциальный больной (пьющий), то ключевым основанием сравнения для данной подгруппы заговоров является невозможность совершения определенного действия в силу его несвойственности для образа сравнения (например, свинья не пьет водку, корова не дает вино и др.) или других причин (например, свинья не переплывет море, т. к. оно большое, ребенок не видит сны, потому что маленький). Когда же предмет сравнения – спиртное (водка, вино и др.), то для сравнения используются образы, вызывающие отвращение из-за их неприятного запаха или вкуса.

Следует отметить, что все сравнения, представленные в заговорах от пьянства и наркомании, являются оригинальными как в плане употребления образов (мертвые животные, Богородица, соль, зола и др.), так и в плане оснований сравнений, которые полностью уникальны. Своеобразие компаративных конструкций достигается за счет: 1) использования нового основания сравнения; 2) раскрытия прямого значения слова, называющего образ; 3) создания двойного основания сравнения за счет одновременной актуализации нескольких значений многозначного слова.

Практически все компаративные конструкции отражают основные признаки болезней (наркомании и пьянства) – употребление и влечение к спиртному и наркотикам, которые вытекают из определения слова *наркомания*: «Заболевание, заключающееся в болезненном влечении к употреблению (выделено нами – *И.К.*) наркотиков» (5, 596).

Для выявления особенностей компаративных конструкций в заговорах в целом в дальнейшем планируется провести анализ образов сравнения других тематических групп.

1. Топорков А.Л. Теория мифа в русской филологической науке XIX века. – М., 1997.
2. Потебня А.А. Малорусская народная песня по списку XVI века. – Воронеж, 1877.
3. Елеонская Е. Н. Сказка, заговор и колдовство в России: Сб. трудов. – М., 1994.
4. Степанова Н. И. 5000 заговоров сибирской целительницы. – М., 2006.
5. Большой толковый словарь русского языка /Гл. ред. С.А.Кузнецов. – СПб., 2006.
6. Огольцев В. М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимно-антонимический). – М., 2001.
7. Саркисова В.В. Семантическая структура волонтиативов-зоонимов в текстах заговоров // Система і структура східнослов'янських мов: Зб. наук. праць. – К., 2003.
8. Большая советская энциклопедия. – 3-е изд. – М., 1976. – Т.9.
9. Степанова Н.И. Заговоры сибирской целительницы. – М., 2003. – Вып. 3.
10. Толковый словарь русского языка: Современное написание /Даль В.И. – М., 2004.